

Некоторые сомнения касательно истории грузинов

Александр Великий и его свита сражаются с черепахами.

*Фантастическое изображение из манускрипта XIII столетия,
хранящегося в Брюссельской библиотеке.*

Довольно многим известно, что я никогда не отвечаю на замечания, которые могут ко мне относиться, в разных журналах и газетах. Я это делаю из уважения к публике, которая, по моему мнению, сама в состоянии лучше меня оценить достоинство и цель этих замечаний. Но из одного весьма ученого журнала – с другого рода журналом я бы и не осмелился вступать в прения, считая это преступною тратой времени, которое всегда можно употребить на что-нибудь более полезное – из одного, говорю я, журнала, который очень высоко стоит в области наук, раздался недавно глубокий вздох весьма уважаемого ученого, вздох, по-видимому, исторгнутый мной грешным. Г. Броссе, член Императорской Академии Наук по части литератур армянской и грузинской, горько жалуется в «Bulletin scientifique», что в одном русском журнале отвергают даже, существование Грузинов в Грузии прежде двенадцатого столетия. Прежде всего, я спешу отдать полную справедливость отличному вкусу, с каким ученый академик выразил свою жалобу: он не называет обидчика грузинской истории, а жалуется только на обиду, ей нанесенную. Не помню, быть может, я и не подписал своего имени под мнением, которое так огорчило его прекрасную ревность о чести всего грузинского, но как речь идет о вопросе ученом и чрезвычайно занимательном для исторической критики, то очень неуместно было бы замять дело полусловами или занавесом безименности закрывать его

важность. Отрекаться тут нечего. *Nic ego sum, qui dixi*: это я сказал, что, как мне кажется, Грузинов не было в Грузии до двенадцатого столетия, и буду чрезвычайно благодарен, если ученый академик захочет рассеять мои на этот счет сомнения, которые я изложу откровенно. **Относительно грузинской истории нет никакого стыда не только сомневаться, но даже и ошибиться.** Кроме господина Броссе никто в Европе не изучал её в грузинских источниках. Я – что касается до меня – я без обиняков признаю, что – как Бог свят! – ни одного слова не знаю по-грузински. Правда, надеясь найти в исторических сказаниях этого народа некоторые полезные сведения для своих разысканий, я некогда пустился было в изучение языка Грузинов, но после двух месяцев самого мучительного труда принужден был, по причине тогдашнего недостатка в необходимых пособиях, отказаться от надежды читать их летописи в подлиннике. Я знаю их, как все знают – только по тем отрывкам, которые были напечатаны, по выпискам, какие мог я достать, и по дурным, русским или персидским, переводам известных мест, которые меня более всего занимали. Следственно, я должен наперед просить у ученого академика прощения, если, по невежеству своему или моих наставников, скажу что-нибудь ужасное против величия грузинских летописей. Ему одному принадлежит великое право просветить и прекрасное преимущество миловать ошибки несведущих в этом деле.

Г. Броссе первый начал нас знакомить с «сокровищами» грузинской литературы, которая со времени его сделалась даже литературою академическою и получила ученую важность. Мы уже обязаны ему изданием двух обстоятельных и весьма любопытных каталогов произведений этой литературы, которых число простирается до трех сот пятидесяти, и между которыми есть до тридцати оригинальных творений по части

истории и словесности. Энтузиазм, с каким он развивает перед нами высокие поэтические красоты эпоей, поэм и романов грузинских, в состоянии воспламенить всякого рвением к языку, в котором так долго скрывались богатства могучего кавказского воображения, и я теперь более чем когда-либо сожалею, что не мог научиться по-грузински. Я бы и теперь еще принялся за дело со всем прилежанием, к какому только я способен: к несчастью, меня останавливает одно затруднение. Я знаю всю прелесть энтузиазма, когда дело идет об эпопеях, поэмах и романах, и всю невыгоду его в истории, и боюсь, увлекшись красотами «Барсовой Кожи», перенести это утешительное пристрастие в оценку летописей Вахтанга и Вахушти, который, как мне кажется, требуют большой недоверчивости и крайне хладнокровной критики со стороны ориенталиста. Я сейчас объясню, почему. Да, очень опасно было бы влюбиться в грузинскую словесность с самого начала, в первый день рождения её академической славы в Европе; потому что, однажды преувеличив её достоинство, легко распространить в ученом свете насчет истории Грузинов такие заблуждения, на опровержение которых нужно будет потом сорок лет времени и сорок томов печати, то есть, ровно семьдесят раз более нежели чего, как кажется, стоит вся эта история.

Грузины выдают себя за народ очень древний, и ученый академик, кажется, хочет их утвердить еще более в этом честолюбивом мнении; за народ, который в тех же местах, где он теперь обитает, господствовал еще до Р. Х., начинает свою историю почти со времен [Александра Великого](#), просветился христианским учением еще при [Константине Великом](#), был уже могуществен и даже не чужд образованности в пятом и шестом столетиях, и с тех пор до начала нынешнего века представляет нам непрерывный ряд своих деяний, подвигов, несчастий, побед и царей. Мы имеем перед собою список грузинских государей, от Фарнабаза до Георгия XIII, то есть, от 268 года до Р. Х. по 1800 год после Р. Х., список, в котором находится ни более и ни менее девяноста восьми последовательных царствований. **Одна только китайская история в состоянии представить нечто подобное.** Этот необыкновенный феномен исторический всякого заставит подумать, что литература грузинская должна обладать рядом летописей, в которых имена и деяния девяноста восьми государей записываемы были людьми всех веков. **Ничего не бывало. От Александра Македонского до Петра Великого, они преспокойно жили без летописей,** и только в прошлом столетии один из их царей, Вахтанг VI, составил для них род многоречивой хроники, которую он довел от Ноя до

начала четырнадцатого века, а сын его, Вахушти, сократил ее, повторяя впрочем в точности повесть отца, и дополнил последующими царствованиями. Отец не указывает ни на какие источники, и долгое время не выставляет чисел годов; сын ссылается на какие-то летописи и документы, которые вместе с ним и исчезли, и везде выставляет годы. В обыкновенном порядке суда критического, одного этого уважения уже было бы достаточно, чтобы без околичностей вдруг **отвергнуть обе эти летописи, как не заслуживающие ни малейшего доверия**, тем более что они наполнены странными баснями, которые могли бы сделать честь изобретательности любого мифолога. Между тем **эти сказания принимаются многими за историю**, и мы недавно с удивлением слышали, между похвалами, произнесенными в честь грузинской литературе, положительное уверение, что Вахушти есть Карамзин своего народа.

Ни время, ни место не позволяют мне заняться здесь правильным рассмотрением всех вопросов, которые могут иметь связь с разными показаниями так называемой истории Грузинов. Я постараюсь изложить только результат личных моих понятий о деле, и то как можно короче, устраняя все второстепенные обстоятельства, которые завлекли б меня слишком далеко, тем более, что для решения, были ли Грузины в Грузии прежде двенадцатого столетия, необходимо нужно коснуться чрезвычайно запутанного вопроса – о том, где была Иберия, кто были Иберы, и какое право имеют Грузины присваивать своему народу и племени царствования разных владетелей иберских, о которых упоминает история. Само собою разумеется, что для принятия такого канона царей, какой мы находим в двух грузинских летописях, надобно прежде всего допустить, что Грузины, которых политическое имя, как кажется, не должно бы быть старше одиннадцатого века, существовали прежде под другим названием, именно, под названием Иберов. Сами они в этом не сомневаются, и многие европейские критики согласны с их мнением.

Конечно, если они Иберы, и если притом Иберия была нынешняя Грузия, то есть Карталиния, Сомхетия и Кахетия, то они с древних времен находились в Грузии. Мне совестно противоречить мнению многих отличных ученых, и особенно мнению г. Эйхвальда, но мне кажется, что довольно старинное предположение, которое защищает и ученый виленский профессор, будто древняя Иберия есть нынешняя Грузия, происходит единственно оттого, что прежние географы и критики не имели перед глазами верной карты кавказского края и принуждены были делать свои заключения почти наугад. Внимательное чтение текстов Страбона, Плиния, Дионисия, Птоломея, Плутарха, Тацита и

позднейших писателей классической древности, всегда приводило меня к тому убеждению, что Иберия собственно была нынешняя Имеретия, Радча, Осетия и значительная часть Лезгистана, часто до самого Дербента; что самая большая ширина Иберии заключалась между Владикавказом и Мцхетом, «где Арагви сливается с Куром»; что народа Иберов собственно никогда не существовало, и имя их было только общее название известного числа разноплеменных поколений горцев, в роде названий Скифы, Сарматы, Албаны, Аланы, Германы, и прочие; и, наконец, что вся эта страна за Куром, где ныне Тифлис и самая значительная часть Грузии, всегда принадлежала Армении, и населена была Армянами, Медами, Массагетами, или Турками, и несколькими из тех поколений, которым древние давали другое общее название, Албанов. Одно только это распределение края и приводит в удовлетворительное согласие все противоречия древних географов. Все они очень плохо знали кавказский край, и следовать за подробностями, которые эти писатели сообщают по слухам, нет никакой возможности. Но в них надобно взять главные черты рассказа: эти черты одни могут быть верны, и они действительно приводят все в порядок.

Одна из этих главных черт – северная граница Великой Армении на Кура, и южная граница Иберии у слияния Арагви с Куром. Плиний положительно говорит, что Великая Армения «в ширину переходит за Аракс и простирается до Кура» (VI, 4). Птоломей ведет северную границу Армении вдоль по Куру (V, 13). Выписки из Страбона, приводимый г. Эйхвальдом, могут показать всякому, что этот географ, если не называет Кура, о течении которого он не имел ясного понятия, зато границею Армении полагает хребет, который, начинаясь у Безабдала, идет через Сомхетию, огибает Тифлис и тянется далее по кахетской области, а это все равно, как бы он показал границу вдоль Кура. Наконец, что значат эти слова у Страбона: «Горный проход (ведущий в Иберию) из Армении, лежит "У Кура и Арагви, которые, прежде чем сливаются, имеют два укрепленные города, расстоянием друг от друга на шестнадцать стадий? Один из этих городов, Гармозика, на Кура, был армянский, и следственно лежал по близости, если не на месте, нынешнего Тифлиса; другой, Сеусамора, на Арагви, близ Мцхета, принадлежал уже к Иберии. Не ясно ли, что страна, где нынче Тифлис, была Армения, и во времена Страбона, как и при Плинии и Птоломее?»

После этого, четыре горные прохода, ведущие в Иберию, которые затрудняют г. Эйхвальда до того, что он принужден «угадывать» их положение, как будто главные

ущелья в горах могут переменять места свои, эти четыре прохода решаются сами собою без помощи догадок. Иберия есть горная полоса кавказского края, «отовсюду (kyklo) окруженная горами», как говорит Страбон, которая тянется от Имеретии и Радчи включительно, через Осетию, до западного Лезгистана включительно, и следственно западный проход в нее, со стороны Колхиды, будет дорога из Мингрелии в Кутаис, северный, из Сарматии – военно-грузинская дорога у Владикавказа, восточный – знаменитая Дербентская теснина; южный, из Армении – опять военно-грузинская дорога около Мцхета, к северу от Тифлиса. Эти проходы так знамениты, что Страбон не мог бы не говорить об них, и он решительно на них указывает.

Теперь совершенно понятны слова Тацита: *Iberi, locorum potentes, caspia (lege, caucasia) via raptira Sarmatam in Armeniam effundunt* – «Иберы, владеющие горными местами, через Кавказский проход вдруг Сармату выливают на Армению»; заметим только, что, если бы Иберы занимали нынешнюю Грузию, они бы «выливали Сармату» на себя самих, а не на Армению.

Теперь совершенно понятно также, отчего все древние географы утверждали, что Фазис, нынешний Рион, который им так хорошо был известен, течет от границ Армении. Г. Эйхвальд прекрасно доказал, что они за главную реку принимали приток Риона, Квирилу; но это еще не удовлетворяет текстам: Квирила тогда только будет течь от границ Армении, когда пределом Армении, согласно Страбону, Плинию и Птоломею, назначим течение Кура.

Я не стану преследовать далее совпадения множества других подробностей с этим положением Иберии: те, которые захотят без предубеждения и без предвзятой системы сравнить древние тексты, относящиеся к кавказскому краю, сами, я надеюсь, увидят совершенное согласие их с таким распределением страны и легкость, с какою по нем объясняются трудности, приводившая в отчаяние комментаторов. Мне очень легко было бы показать, как естественно подходит все, что древние говорят об Албании, к тому же местоположению Иберии, которое мы для ней обтискали, но я должен предоставить это другому времени и обратиться к вопросу о мнимом «народе» Иберов.

Этого вопроса я даже не считаю вопросом. Он слишком ясен для всякого, кто только имел дело с географами и прочими писателями классической древности. Тогда называли

народы по странам: племена, жившие в Скифии, как бы они разнородны ни были, все получали общее имя Скифов; жившие в Сарматии назывались Сарматами, в Дакии Даками, в Германии Германами, хотя нет сомнения, что между этими Германами были народы славянские и даже финские. Эта система обобщения применена была и к многочисленным кавказским народам. За исключением немногих, более известных поколений, прочие разделены были на Иберов и Аланов, не по роду своему, но по странам, Иберии и Албании, в которых они укрывались. Албаны занимали полосу прибрежную вдоль Каспийского Моря; а первые, то есть, Иберы, помещаемы были в поперечной нагорной полосе кавказского перешейка, которая, простираясь от границ Колхиды, или Мингрелии, до Лезгистана, составляла почти прямой угол с албанскою полосой; вся же страна, заключенная в этом углу, именно, нынешняя Грузия, принадлежала к Армении, а за поперечною, иберскою, полосой лежала Сарматия. Что ж, следовательно, такое были Иберы, если не то же самое, что мы теперь называем горцами? Они не могли составлять «народа». Впрочем, Плинии и Птоломей поименно называют различные народы, жившие в Иберии и Албании, и которым они в то же время дают общие названия Иберов и Албанов. Непонятно даже, каким образом, против столь положительного свидетельства, и вопреки известному обыкновению древних давать народам собирательные названия, заимствованные всегда от их страны, утвердилось в ученом свете поверье о существовании народа Иберов! Говорят, что слово ибер, или как иные произносят Ивер, происходит из армянского языка, на котором иврац должно означать – горец. Если этимология эта справедлива, то мы с Армянами одного образа мыслей: я тоже говорю, что Иберцы были просто «Горцы». Но я не думаю, чтобы следовало произносить Ивер: Страбон, когда хочет выразить звук в, пишет ouī. Римляне также никогда не писали Iverus, а всегда Iberus, и я вижу в нынешнем названии одной кавказской страны, Имерэти, положительный след сохранившегося доньше, древнего географического названия Иберия. Отбросьте обыкновенное грузинское окончание имен провинций, эти: останется имер. Вовсе не нужно толковать ориенталистам, каким образом Б превратилось в М и из ибер, Iberia, вышло имер, Имеретия: такие превращения б в м очень обыкновенны и в кавказских языках. Точно также сохранилось до нашего времени древнее название другой кавказской области, лежащей рядом с Имеретией: Suani или Soani древних географов и теперь называются Суанети. И целые десятки подобных примеров можно было бы, привести в доказательство того, как неизгладимы на Кавказе названия разных урочищ. По крайней мере, я не сомневаюсь, что Iberia и

Имерети одно и то же слово. Это сближение клонится здесь к тому, чтоб еще показать, что древняя Иберия, собственно говоря, и была одна только нынешняя Имеретия: в самом деле, по согласному свидетельству всех географов, она начиналась у границ Колхиды (Мингрелии) и с юга опиралась на Московские горы, которые отделяют ее от Ахалцыха. Одну эту Иберию и знали древние: на остальную часть полосы, простирающуюся далее на восток поперек перешейка до Лезгистана, и составляющую как бы продолжение Имеретии, они только распространяли имя Иберии, по принятому тогда обыкновению. При чтении древних текстов должно непрерывно обращать внимание на то, когда они под именем Иберии понимают одну только Имеретию, и когда делают из него общее название для всей полосы нагорной стороны, идущей поперек перешейка, потому что от этого Иберия их становится то короче, то длиннее. Мне кажется, что отсюда истекает и вся сбивчивость их показаний, которые однако же делаются очень ясными, когда помнишь, что Иберией попеременно называют они то одну собственную, соседнюю с Колхидой, Иберию, или Имеретию, то опять Имеретию, Радчу, Осетию и часть Лезгистана. Так, Страбон говорит однажды, что в Иберии есть только один дрянной городишко, а потом он же, и Плиний, и Птоломей, показывают, в ней несколько городов. Так Плутарх, в жизни Помпея (V, 11), утверждает, что Иберы живут между Московскими горами и Черным Морем, причисляя Гурию к Имеретии и делая из Иберии черноморскую провинцию, чего решительно никто из географов не делает. Опираясь на авторитет географов, Плутарха можно было бы упрекнуть в невежестве, а между тем и он прав, и они правы: стоит только хорошо понять их рассказы, их систему, и противоречия исчезнут.

Заметим еще мимоходом, что равнины нынешней Мингрелии и Имеретии принадлежали тогда к Колхиде, а горы той и другой области составляли Иберию, которой западные, так же как и южные, пределы начинались от гор.

Какой народ жил в древней Имеретии, или Иберии, какие «Горцы» там обитали? об этом я не берусь говорить, и считаю далее подобный вопрос неразрешимым, если вспомним, сколько перемещений масс совершилось на Кавказе, сколько племен погибло, сколько Языков погасло. Эти мелкие, воинственные владения непрерывно то составляли сильные царства под начальством храбрых предводителей, то распадались на мелкие гнезда разбойничьи. Все там пережглось в пожарах вечной войны, растаяло в крови, и не раз переливалось в новые формы. Многолюдные поколения были истребляемы; незначительные усиливались и размножались победами. Римляне, по свидетельству

Плиния, употребляли в Диоскурии сто тридцать человек различных толмачей для объяснения с жителями Кавказа: теперь и двадцати языков не насчитаешь во всех этих горах. Но я готов даже допустить, что в Имеретии жили какие-нибудь Картвели, соплеменники и одноязычники нынешних Грузинов: это нисколько не переменит существа вопроса. Нет сомнения, что из их рода возникали по временам завоеватели, которые основывали на мгновение сильные владения. Так, например, в шестом и седьмом столетии царство Лазов было довольно значительно, и имена царей Губаза и Хориана покрылись некоторою славою. Одна княгиня владела всем черноморским побережьем от Колхиды до Трапезунта.

Но какую же это имеет связь с Грузинами, которые тогда еще и не существовали как народ? Одноплеменность никому не дает права на присвоение себе истории другого народа. В противном случае Пруссаки могли бы сказать, что их государство славится в истории со времен Юлия Цезаря, потому что Германцы были уже в то время исторически известны, или присвоить своему народу летописи Австрии. Древнее существовавшие племена Картвели отнюдь не доказывают древности народа Грузинов. Дело в том, что в Грузии тогда их не было; что это была еще Армения, населенная Армянами, отчасти Массажетами, или Турками, проникнувшими туда через Мавераннегр и Адербаяджан, и может быть еще другими народами, только не Грузинами, и не Иберами, с которыми они не имеют ничего исторически общего. Мы скоро увидим, что когда, в седьмом веке, Аравитяне взяли столицу Армении, Тифлис тотчас, без войны, покорился победителю как армянская провинция: если бы там жил другой народ, имевший своего независимого царя, у него было бы войско, и он бы защищался, но этого не случилось. Потом еще, из статистических данных о народонаселении Грузии, мы должны будем тоже заключить, что, до покорения Грузии Аравитянами, главное население его по необходимости было армянское, а не картвелическое, или грузинское, которое гораздо позже нагрянуло сюда из Абхазии.

Нужно ли еще к свидетельствам классиков прибавить показания Аравитян в подтверждение того, что нынешняя Грузия чистою Арменией? В грамоте Хабиба, полководца Османова, данной жителям Тифлисской области, которая, как мы сейчас упомянули, сама покорилась мусульманам по взятии столицы Армении, сказано, что эта область лежит около реки Гюрзана, то есть Кура, и границ Меджлиса, или Серира, древней Албании, которой западным пределом служила, как известно, река Алазан.*

С того времени Аравитяне обыкновенно называли этот край Курскою областью, Гюрзан, или Джюрзан, именем, очевидно произведенным от старинного прозвания реки Кура – Кюрос, Гюрос, у Птолемея Кюррос, и Плутарха Кюрнос (Kuros, Kyrrhos, Kurnos), которая, вероятно, в седьмом веке на месте у туземцев слыла Гурзаном или Гургяном: окончание ан свойственно нескольким рекам того края, как например Алазан, Кубач, и прочие. Якут, повторяя слова древнейших арабских географов, в статье «Джюрзан» говорит: «Джюрзан – область в Армении; главный город ее – Тифлис». И опять, в статье «Тифлис», он говорит по их же авторитету: «Тифлис – город в Первой Армении: иные причисляют его к Аррану. Это столица области Гюрзан (Курской), не в дальнем расстоянии от Дербенда, город древний, нетленный, который лежит под 72° долготы и 42° широты». Но он решительно ошибается, «предполагая» – это его выражение – будто слово Джюрзан, название реки и страны, может быть исковерканное Аравитянами Гюрдж, собирательное имени народа. Джурзан было названием области и реки, а не народа и оно впоследствии, по водворении Грузинов в Джурзани, было до того забыто, что через ошибочное правописание превратилось у восточных писателей, и даже у кавказских мусульман, в Хазеран, чего бы конечно не могло случиться, если б Джюрзан и Гюрдж значили одно и то же. Таким образом, от Страбона до арабских предшественников Якута, мы постоянно находим Армению в нынешней Грузии, где, на равнинах, орошаемых Куром, как выражается Страбон, «люди жили по обычаю армянскому и мидийскому».

Что касается до древности народа грузинского, то, во-первых, пока мы не увидим несомненных и неоспоримых памятников, доказывающих противное, мое ориенталистское убеждение никак не позволяет мне думать, чтобы он был старше половины одиннадцатого века. Этот народ называется Грузинами, Гюрджи, что значит Георгиане или, говоря чисто по-русски, Юрьевцы. По вековому обыкновению Востока, и в особенности стран прикаспийских и кавказских, он не мог назваться или быть назван этим именем иначе как по имени своего полководца, предводителя, первого государя, которого звали Гюрдож, Георгием, или Юрием. Грузины утверждают, что они нареклись Гюрджинами, Георгиянами, или Юрьевцами, от святого Георгия, который просветил их около 300 года верою Христовой. Верить этому может только закавказская критика. Если бы они приняли имя Георгиан по случаю проповеди святого Георгия, то Византийцы первые поспешили бы чествовать их этим именем, а между тем оно и до двенадцатого столетия было неизвестно Византийцам, которые, однако ж, имели почти непрерывные

сношения с кавказскими народами, военные, торговые и дипломатические, и называли уже классическую область Фазиса не Колхидою, а попросту Мингрелией. Первый их князь Георгий явился в Абхазии между 1014 и 1027 годами, по их же собственной истории, которая и здесь, как почти во всех других случаях, ошибается в числах годов, в чем и г. Броссе отдает ей должную справедливость. Этот Теорий, которого, к счастью, мы знаем через Византийцев, княжил между 1030 и 1050 годами нашей эры. Он первый осмелился воевать с Римлянами, и следственно был уже силен, славен и честолюбив, потому что до того времени слабые княжества абхазские находились под властью или под покровительством то Римлян, то Персов. Гюрдж, или Георгий, князь Абасгов (Абхазов), воевал долго и удачно, основал независимое абхазское княжество, и он-то, конечно, своими подвигами, укрепил на Кавказе за поколение, ему подвластным, имя Гаджи, Георгиан, или Грузин. Оно укрепилось и стало еще более общим и известным при Георгии II, его внуке и отце Давида, который покорил Имеретин, Тифлис и всю нынешнюю Грузию. Но еще и этот знаменитый Давид, по признанию самих же историков грузинских, начал царствовать в Абхазии. Первые сношения Русских с Грузинами, которые г. Броссе так прекрасно изложил нам, имели место около этой эпохи тоже в Абхазии. Здесь-то возник и образовался из постепенно покоряемых племен нынешний народ Грузинов, или Юрьевцев, и он ни политически, ни исторически не может быть старше своего основателя и родоначальника, того, кто оставил ему свое имя и еще в 1047 воевал с византийским императором Константином-Мономахом. Для всякого ориенталиста это ясно как солнце. По крайней мере, непонятно, каким образом Юрьевцы были бы старше своего первого Юрия!

Ясно также, что, в странах, где поколения принимали имена предводителей, успевших соединить их под свои знамена, и где имя Георгий было столь обыкновенным, неоднократно могли являться породы Юрьевцев, Гурджи. Сами ли они так себя называли, или соседи давали им это имя, это все равно для нашего предмета; дело в том, что между тем как положительно известно, что нынешние Грузины вышли из Абхазии и что первый их Георгий не старше одиннадцатого века, в другой области, которая находилась не в Абхазии и не в нынешней Грузии, существовал какой-то мелкий народ Юрьевцев. Масуди, если не ошибаюсь, первый об нем упоминает под именем Джурзие, Юрьевцы, и помещает их подле Абхазии. Якут говорит, что эти Юрьевцы, со времени покорения Джурзана Аравитянами до царствования халифа Мутевеккиля, платили дань владетелям

Тифлиса; но он тут же прибавляет, что те Юрьевцы, Гюрдж, которые в двенадцатом веке завоевали Тифлис и Джурзан, жили прежде в Абхазии. Это очевидно два различные народа Юрьевцев, и я, несмотря на все желание, никак не могу в уме своем логически связать их между собою. Кажется, что эти первые, древнейшие Юрьевцы, Джурзие, о которых упоминает Масуди, и Якут говорит, что они с седьмого столетия были данниками мусульман, жили в нынешней Имеретии. Но отчего они неизвестны Византийцам под именем Георгиан? Каким образом это христианское название могло пять или шесть столетий ускользать от внимания набожных Христиан Цареграда? Для меня это, покамест, совершенно непонятно. От какого Юрия могли они получить свое название? Списки грузинских царей не доказывают никакого Георгия раньше одиннадцатого века. Но за этим дело не стало бы. Мы знаем, из Прокопия, что в царствование Юстиняна I жил в Иберии (Имеретин) один царь Георгий, или Гурген, который впоследствии принужден был от огнепоклоннического фанатизма Хосроя, спастись в Лазику с остатком своих подданных, пребывших верными христианскому учению. Он, конечно, мог дать начало христианскому поколению Юрьевцев в эту эпоху гонений и отступничества. Но около той же эпохи был еще другой Георгий, знаменитый до баснословности герой кавказских стран, которого тамошние предания называют Юрием-Львом, или Гюрг-Асланом, и которого грузинские летописцы, неизвестно на каком основании, зачислили в список своих царей, пожаловав в Вахтанги Первые. Конечно, ни один основательный ориенталист не поверит их нелепому толкованию, будто бы он носил на шлеме изображения волка (по-персидски гюрг) и льва (по-турецки аслан), и так пугал этим Персов, что они в ужасе прозвали его гюрг-асланом, волко-львом, забыв вероятно со страху, что «лев» называется по-персидски шир, а не аслан. Подобная этимология, по своей бестолковости, может стоять наряду только с тем, что грузинские Карамзины рассказывают о покорении Грузинами всей Азии, и даже Индии, под предводительством, этого гебридского Гюрг-Аслана. Для каждого рассудительного ориенталиста будет очевидно, что, в названии гюрз-алан, Гюрз не есть персидское слово, но собственное имя христианское, Георгии, то же самое что Гурген, Гюрдж, или Юрий. Этот Юрий мог также быть основателем первого, неабхазского, народа Юрьевцев, тем более, что и летописи грузинские рассказывают, вероятно, по кавказским преданиям, что потомки Гюрг-Аслана были покорены мусульманами. Но, судя по его имени, он должен быть турецкого племени, а не картвелического, к которому принадлежат Грузины. До прибытия мусульман, в Закавказском крае были, в самом деле, и турецкие христианские поколения. Сделаем здесь одно

общее замечание о способе, каким грузинские летописцы прошедшего века составили древнюю историю для своего народа. Они, по-видимому, нахватили преданий и царей со всего Кавказа, не справляясь к какому народу и веку принадлежали лица и события, которые вносили они в свои писания: разноплеменные владетели иберские, армянские, персские, лазские, албанские, турецкие, о которых нашли они упоминания в летописях Византийцев, Армян, Персиян, герои народных преданий Кавказа, богатыри нянюшкиных сказок, все это пошло в прок, и таким образом составила прекрасная, непрерывная цепь царей и царствований от времен Александра Великого до девятого или десятого столетия. С того времени до покорения Тифлиса повествования их представляют местами тень истины, нечто похожее на исторический рассказ, потому что здесь попадаются уже факты, заимствованные из случайных свидетельств мусульманской литературы, хотя по обыкновению и изуродованные перепутавшем вещей, совершенно разнородных, и вдобавок приправленные вымыслами самих летописцев. Основанием этой части их рассказов служит, по моему мнению, смешение трех различных элементов, а именно, первого народа Юрьевцев, Джурзие, обитавшего вне Абхазии, второго народа Юрьевцев, Гюрдж, вышедшего в двенадцатом веке из Абхазии, и, наконец, страны Джурзан, или Курской области, составлявшей часть Армении; все это принято за одно, по созвучию названий, и, как мне кажется, смешано с Грузией и Грузинами, которых история, несколько достоверная, не может начинаться раньше Георгия I или, точнее, Давида III, покорителя Тифлиса и нынешней Грузии, в первой половине двенадцатого века.

Якут, писатель точный и старательный, которому обязаны мы сохранением разных памятников, драгоценных для истории и этнографии средних веков, довольно подробно описывает это событие в своем географическом словаре. Я выпишу слова его вполне, и постараюсь перевести их как можно ближе. Я полагаю, что этот отрывок, который не приятно издать здесь впервые на одном из европейских языков, есть, пока, единственный достоверный документ истории Грузинов в двенадцатом и тринадцатом столетиях: не думаю, чтобы они могли показать в своей литературе что-нибудь достойное большего доверия.

«Мусульмане покорили Тифлис в царствование халифа Османа, сына Аффанова. Двинулся Ха-биб-ибн-Сельма в Армению, и покорил большую часть городов её. Когда занял он средину края, прибыл посол из Джурзана. Хабиб тогда собирался идти воевать эту область. Посол просил мира и опасной грамоты от Хабиба. Хабиб-ибн-Сельма написал письмо (к

жителям) и вместе с ним вручил ему опасную грамоту. Вот её копия: «Во имя Бога, милостивого, милосердного! Се бысть грамота от «Хабиба, сына Сельмова, людям тифлисским, "от границ области Золотого Престола, от «Джюрзана-Реки. Пожаловали есьмы безопасность «душам их, и церквам их, и монастырям «их, и вере их, с условием быть покорными «да платить подушное, со всякой семьи по денарию. А вашему брату не соединять нескольких «семей в одну ради умаления подушного; а нам «тоже не разделять одной семьи на несколько, "ради умножения. А вам по-добру предостерегать «нашего брата о врагах Бога и пророка его, колико возможете, да угощать пристойно всякого «мусульманина, нуждающегося в ночлеге, яствами дозволенными нам из яств новозаветного народа. А ежели кто-нибудь из мусульман будет убит у вас, то вам же платить и мзду «за кровь его, даже за самого подлого из мусульман, разве у них мзды не положено. А если пребудете верными и молитву станете творить по-нашему, так вы братья нам во всем; нето, вам платить подушное. А буде мусульманами понадобится помощь от вас, то служить им имеете людьми и имуществом!.. А кто не станет действовать по сему, тот нарушитель договора. Таковы вам льготы и повинности. Свидетельствуемся Богом и его ангелами; да и одного Бога достаточно в свидетели». С тех пор Тифлис постоянно находился во владении мусульман, и жители приняли мусульманскую веру; Наконец, в 515 году гиджры (1121 по Р. Х.) вышло из ближних к Тифлису гор** по колонию, христианского вероисповедания, по имени Грузины (Гюрдж), в великом множестве, и стало делать набеги на ближайшие к себе земли мусульманские. Правители в них были тогда постановлены от царей сельджукских; но они были слабы; партии и раздоры господствовали между ними, и каждый хотел быть независимым владетелем; а тут еще случилась в том же году война между Махмудом и Масудом, внуком Мелик-шаха: местные правители, занятые кознями, начали переходить от одной стороны к другой, и никто не думал о защите горных проходов. Грузины напали на правителей Армении (нынешней Грузии) и принудили их к сражениям, которых конец был тот, что Грузины явились победителями, а мусульмане были разбиты. Тогда Грузины пришли под Телись и досажали его с намерением принудить к сдаче. Во время осады убили они у мусульман множество народа; наконец взяли город и утвердились в нем. Они поступил с жителями милостиво, и только обратили их в своих иноверных подданных. С того времени не переставали Грузины усиливаться и делать более и более дальше набеги на мусульман вторгаясь то в Арран (Бердаа), то в Азербайджан, и проникая даже до Хелата, а местные правители, преданные пьянству и делам непозволительным, и не

думали давать им отпора. Но, наконец, выступил против Грузинов Джелаль-эддин, сын Харезм-шахов, в 623 году гиджры (1226 по Р. Х.), взял Тифлис и перебил почти всех Грузинов. С остальными он еще имел несколько сражений, и победил их во всех случаях. Потом постановил он в Тифлисе своего генерал-губернатора (вали), и возвратился восвояси. Этот губернатор стал очень худо обращаться с жителями города: те вызвали к себе остальных Грузинов, которые были еще не побиты, и сдали им город, а Харезмцы бегом ушли из него к своему царю. Однако ж Грузины побоялись, что Харезм-шах возвратится, и что они с ним не справятся: таким образом, сами они сожгли город в 624 (1227) оду и ушли в горы. Это – последнее известие, какое я об них имею».

Читая это описание просвещенного современника, который с любовью изучал географию, этнографию и политические дела своего времени, нельзя почти на каждом слове не прийти к тому же заключению, к какому приводились мы уже другими данными, а именно, что Грузины – пришлецы в нынешней Грузии, что их там не было до взятия Тифлиса Давидом III, и что, спустя целое столетие по водворении их в этом краю, они были еще там не многочисленны. Грузинские сказания, по которым Тифлис взят был ими около 1121 года, согласны в этот раз с показаниями иностранных писателей; но поход Джелал-эддина в Грузии, который воспоследовал в правление царицы Русуданы, описан в них неверно: они относят его к 1228 году, и говорят, что Тифлис находился пять лет в руках Турков, между тем как современник Якут помещает это событие в 1226 и рассказывает обстоятельно, что Харезмцы ушли из Тифлиса сами в следующем же году. О сожжении города самими Грузинами, летописи их вовсе умалчивают. Какое после этого можно иметь доверие к грузинским Карамзиным? Весьма сомнительно, чтобы Вахтанг или Вахушти пользовался какими-нибудь подлинными летописями или документами: иначе, столь примечательные события не были бы описаны у них так сбивчиво. Гораздо вероятнее, что они почерпали сведения свои в беглых намеках мусульманских писателей на разные дела Грузии и дополняли эти слабые данные с помощью своего воображения. Но не надобно даже углубляться в тринадцатое столетие, чтобы найти подобные, и еще большие, промахи в знаменитых грузинских историках. Г. Боссе издал недавно, в переводе с подлинного документа, кровный договор имеретинского царя Александра с Дадианом Мамием в 1432 году, за скрепою великого грешника Фалаванди Фалавандишвили, и оказалось, что, в грузинских летописях, этого Дадиана уморили и схоронили за восемнадцать лет до подписания им договора, и что в 1432 году уже давно

и благополучно царствовал сын его Липарит. Ученый академик присовокупляет: «Нельзя не сказать, что число этого важного документа представляет большое затруднение... Вместо того, чтоб теряться в догадках, лучше конечно оставить вопрос нерешенным, пока счастливый случай не обнаружит истины». Что тут и теряться в догадках! Ясно и очевидно, что летописи, которые так жестоко противоречат «важным документам», составленным по законной форме, за скрепою великого грешника, не заслуживают никакого доверия критики.

Несколько слов о пропорции племен в нынешнем народонаселении Грузии могут также быть полезны для приведения в ясность вопроса, были ли там „Грузины до взятия Тифлиса Давидом. В 1832 во всей Грузии считалось: Грузинов 101,000 душ муж. пола; Армян 56,500; Татар 41,200; Осетинцев 15,440; Пшавов 2,040; Тушей 2,400; Хевсуров 1,510; Греков 1,810; Немцев 1,040; Евреев 500. Итого 224,300. Следственно Грузины и теперь еще, после семи, столетии пребывания в краю, далеко не составляют половины туземного народонаселения хотя, как известно, господствующее племя всегда умножается в течение времени от постепенного перенятия его обычаев и языка подвластными. И теперь еще, против 101,000 Грузинов мы видам там 56,300 Армян, 41,200 Татар и 15,440 Осетинцев. Что значить 101,000 душ мужеского пола! Это едва 20,000 людей, способных носить оружие. Конечно, не менее этого числа воинов пришлось осаждать Тифлис в 1121 году. Можно решительно сказать, что еще и в наше время настоящее основание народонаселения Грузии, по числу, составляют Армяне и Турки, тем более они были туземцами для Грузин в двенадцатом веке. Если допустим, что со времени покорения число Армян и мусульман уменьшилось до половины – особенно число мусульман под владичеством христианского народа – то нельзя будет не убедиться арифметическою очевидностью, что до 1121 года Грузинов и не могло быть в Грузии.

Вот в, чем заключаются мои сомнения относительно истории Грузинов, и вот главные причины этих сомнений. Излагая их, я не имею другой цели как способствовать к открытию истины, побуждением знатоков и любителей грузинской истории к собранию доказательств, памятников, документов, для опровержения этих сомнений, если они неосновательны. Я первый получу от этого пользу, и встречу истину с почестью, хоть бы она была противна нынешнему моему убеждению. Если будет доказано памятниками, или по крайней мере правильным, ученым разбором источников Вахтанга и Вахушти, что Грузины всегда обладали Курским краем, я от всей души уступаю им Грузию и заранее

поздравляю их с глубокою древностью. Но кавказские сказания донныне принимаются в науке, как мне кажется, с благосклонностью, несколько предосудительною для выгод исторической критики и истины. Противоречие может быть здесь полезно. По крайней мере, оно покажет необходимость тщательно разобрать устранить сперва все, что позволяет смотреть на предмет с другой точки зрения [***](#).

1838.

Примечания

* Несмотря на намерение не входить здесь ни в какие лишние подробности, я не могу не сделать об Албании коротенького замечания, которое может иметь свою за-
нимательность для трудящихся над географией Кавказа. Много толковали о происхождении имени Албания: весьма замечательно, что едва появились Аравитяне в Великой Армении, они тотчас перевели слово «Албания» двумя своими словами меджлис и серир, которые оба значат "престол". Следственно, Албан или Алван значило тогда по-персски «престол». Впоследствии Аравитяне попеременно употребляли, одно вместо другого, названия Серир, Албан, и даже Арран: иногда писали они Серир эль-дегеб, «Золотой престол». Это относилось к преданию тех стран, что один очень древний царь Дагестана сделал было себе; великолепный престол из чистого золота, VI что царь персский, Беграм-Чубин, услышав об этом, пошел на него войною, победил и увез золотой престол его в Персию. Это имеет явную связь с золотым руном Аргонавтов: сказка об их походе в Колхиду, вероятно, возникла из того обстоятельства, что одна из областей Кавказского края называлась Албан или Альван, что значило «престол», и народное поверие гласило, что там существует золотой престол и множество золота.

** В подлиннике эти горы поименованы, но я не могу разобрать их имени в моем списке.
С.

В академической рукописи арабского географического словаря, Якута, горы эти названы (А)бхаз, то есть Абхазскими. Изд.

*** Статья эта написана С. для возбуждения нетронутого дотоле вопроса, и достигла своей цели. Г. Броссе отвечал на эти сомнения статьей, напечатанною в V томе «Bulletin scientifique» С.-Петербургской Академии Наук, и с тех пор издал «Сборник Грузинских

летописей (Histoire de la Georgie), критическая разработка которых может пролить свет на историю Грузии.

http://www.hrono.ru/libris/lib_s/senkov_grzn.php